

ГОРЬКИЙ И КЛАССИЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Отношение Горького к литературным традициям классической литературы, новаторский пересмотр им этих традиций — эта проблема может и, несомненно, будет предметом ряда специальных монографий. Сама собою — на основе высказанных Горьким — напрашивается такая тема, как «Горький и Пушкин», «Горький, Бальзак и Стендаль», «Горький и Лесков», «Горький и Габ Успенский» и т. д. и т. п. В данном же случае нашей задачей является лишь очень краткая характеристика отношения Горького к традициям трех основных литературных направлений новой истории: 1) литературы просвещения, 2) романтизма и 3) критического реализма. При этом мы должны будем учесть и особенности русского критического реализма в отличие от западноевропейского.

Горький еще в 1899 г., характеризуя разное отношение к творчеству Репина, писал: «Вот искусство! Вот как оно широко должно брать жизнь!»

Творчество самого Горького в высшей степени обладало широтой охвата жизни. Горький изображал жизнь народных масс при капитализме и их «пути к будущему» (выражение Горького в письме к Невадскому), к социализму. В творчестве Горького мы видим образы и «человека страшной жизни» и необузданных инстинктов (вспомним, например, «Женщину») и образы человека, стремящегося «к возвышению в народе своем разумной энергии, творческой доброты и красоты». Горький сумел показать и «спивные мерзости» до-революционного быта во всей их мерзавности и «красоту и силу мысли» передовых людей.

В такой широте охвата жизни лежит ключ к пониманию горьковского отношения к указанным классическим традициям.

Горький высоко ценил вольтерьянское течение французской литературы, утверждавшее «необходимость просвещения». Аналогия Франсуа Горький называл «сладкой мыслью». Но французская «литература идей» (так называла литературу просвещения Бальзак) представляла себе мир по преимуществу, как борьбу между передовым сознанием и всем неразумным и бессмысленным, что есть на земле. Вольтер в своих романах критиковал и осмеивал все косное и отсталое, но ограничивался идейной победой над ним и не мог еще в самой жизни найти ростки будущего, пути к нему. Идейные, интеллектуальные традиции литературы просвещения были приняты Горьким на новую высоту. Творческое их продолжение сказывается не только в поэме «Человек», но и в сатирических сказках Горького, но прежде всего в столь характерном для всего творчества Горького стремлении воплотить в своем творчестве красоту и силу передовой мысли. Мысль эта у Горького — лирическая черта просветительского пафоса, она находит дорогу к революционно-практической передовке мира, она способна «энергетизировать» все силы и способности мировой семьи трудящихся» (из письма А. М. Горького к П. Я. Мару). Мысль Горького опирается на глубокое познание жизни, ее исторических закономерностей.

Горький хотел в своем творчестве отразить «все ужасы и неопределенность, всю боль и радость жизни, всю неустойчивость и хаос ее (мира)». — Я. З.) разумной игры». Тем самым Горький должен был определить свою позицию по отношению к традициям романтизма. Ведь именно романтики стремились смешать «сладкобытие» в своих творениях «тень со светом, гротеск с высоким, душу с телом, глупость с умом» (Того). Романтизм в лице самых различных своих представителей отражал

прежде всего хаос буржуазного общества, его пестроту, противоречивость, стихийность, опровергавшие требования разума, выставленные просветителями. И в эпоху просвещения, в «Памянике Рамо» Дидро, в «Исповеди» Руссо противоречия буржуазной цивилизации уже получили глубокое отражение. Романтики же, целиком сосредоточенные на созерцании хаоса буржуазного общества, лугались этого хаоса и смотрели назад. Горький резко критиковал реакционные тенденции романтизма, свойственный последнему «ужас перед чем-то непонятным, что обнимает человека со всех сторон и душит его». Наиболее же плодотворной стороной западноевропейского романтизма начала XIX века Горький считал обращение романтиков к народной поэзии, открывавшей перед «обществом картины простых, суровых нравов, искренние сильные чувства людей, в которых мысль гармонировала с чувством», знакомой с «духом народа, с его внутренним миром» и изображающей народ, как «неисчерпаемый запас творческих сил». Но романтики в своем большинстве вносили в восприятие народной поэзии элементы мистики, спиритуализма, эстетизма. В их изображении мир становился ареной борьбы стихий, человеческая личность в их понимании превращалась в единственное вместилище веры, страсти и инстинктов, в орудие стихийных сил. Ведь даже славя Вольфганг, Виктор Гюго заявлял, что «для совершенного искусства избран жанр высшей волеи, которая столь же напыленно проявляется в законах судеб, как в законах природы».

Горького в романтизме привлекало то «богатство образов», которое отмечал в нем Бальзак, даже называвший романтизм «литературой образов». Но Горький материалистически, революционно пересмотрел традиции романтизма. Горький новаторски решил все проблемы, поставленные романтизмом. В своих кантрийских лекциях Горький писал, что романтизм пролетариата возникает «на почве сознания человеком его связи с миром и опущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием». Горький дает проникнутое «воинствующим оптимизмом материализма» изображение стихийного развития природы, стихийного народного движения, инстинктов человека, ведь пестроты и сложности жизненных противоречий. При этом, в отличие от романтиков, Горький верит в творческие силы народа и передовой социалистической мысли, в рост русского человека, он всегда смотрит вперед. Горький изображает те всемирно-исторические процессы, которые в своем дальнейшем развитии привели в СССР к тому сближению и соединению народа и коммунизма, о котором говорил В. М. Молотов.

Для Горького чрезвычайно характерно также восприятие стихийных сил природы, жизни: «Взбей говор, пьяный рв мужиков, звонкие крики детей, пенне багровой гармонки — все сливается густым туманом, можно выхватывает неумолимо творящая земля. Все — грубо, обаятельно и внушает большое, крепкое чувство жора к этой черной жизни, бесстыдно-жористой. Хвастаясь своими силами, она тоскует и напряженно ищет, куда излить их». («В людях»).

Великие критические реалисты и в первую очередь Бальзак стремились к синтезу в своем творчестве сильных сторон литературы просвещения и романтизма. Об этом Бальзак подробно говорит в своей известной статье о Стендале. Но этот синтез оказался глубоко противоречивым. Бальзак создал несравненно более глубокое изображение хаоса буржуазного общества, чем романтики. Он конкретно описал, проанализировал и глубоко критиковал этот хаос. Но не видя «пути к будущему», Бальзак пришел к убеждению в том, что народ и передовая мысль бессильны переделать мир. Идейные искания Даниэль д'Артеза и Мишель Кретьена отступили в его творчестве перед пожаром страстей буржуазного общества. Как говорит Горький, «критический реализм не мог указать человеку выхода из плена». Русская литература XIX века сделала новый громадный шаг вперед в мировом литературном развитии.

На основе великого всенародного подвига эпохи Отечественной войны и движения декабристов, на основе возмужавшего им самим роста русской культуры и искусства Пушкин создал стиль, который по силе мысли, по богатству чувств, образов и красок, по сочетанию в нем творческого продолжения традиций и литературы, просвещения и прогрессивных сторон романтизма, и народного искусства уже был несомненно для западноевропейского критического реализма. Пушкин первый поставил все те задачи, которые были в дальнейшем разработаны русскими критическими реалистами. Но исторические условия позволили Пушкину, как указал Добролюбов, еще не сосредоточить свое внимание на «несовершенствах» жизни, на оторванности народа от передовой мысли. В дальнейшем же русский критический реализм, начиная с Гоголя, изображает и исследует именно это «несовершенство» и стремится преодолеть эту оторванность.

Но русский реализм опирается на многомиллионное русское крестьянство, которое, в отличие от западноевропейского, находилось еще перед могучим демократическим подъемом. Вот почему у Гоголя, Тургенева, Некрасова, Щедрина по-разному проявляется эта вера в силы народа, который уже не знает Бальзак, Гоголь, Некрасов, Щеглин, Лесков, Толстой глубоко восприняли традиции фольклора. Поэтому, как указывал Горький, «...слияние романтизма и реализма особенно характерно для нашей большой литературы, оно и придает ей ту оригинальность, ту силу, которая все более заметно и глубоко влияет на литературу всего мира».

Русские критические реалисты в более верном направлении, чем Бальзак, искали «выхода из плена». Именно на русской почве возникла поэзия Державина, в которой романтизм сочетается с «железным желанием дела, активным вмешательством в жизнь» (Горький). Но и русский критический реализм мог указать лишь на потенциальные силы народа, он не мог еще изобразить народную жизнь в ее движении вперед, к будущему. Поэтому у Тургенева, Успенского, Лескова мы видим и черты романтической идеализации отдельных сторон народной жизни. Историческую задачу изображения жизни народа в его движении к социализму выполнили основоположники социалистического реализма — Горький. Эта историческая задача была решена только в эпоху назревающей социалистической революции в России, где массовое революционное движение было возмужало «...революционным в мире пролетариатом...» (Сталин).

На этой основе Горький творчески продолжил и соединил в новаторском синтезе традиции идейной неустремленности и интеллектуальной насыщенности литературы просвещения и традиции точного и конкретного познания жизни, ее противоречий, ее темных сторон и анализа ее закономерностей, влияние от критического реализма. Горький соединил эти традиции с революционной романтикой, опирающейся на все огромное художественное богатство народного искусства.

бюджет, служат практическому изменению человека этого реального бытия.

«Миф — это вымысел», — говорил Горький в докладе на съезде писателей. — Мыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ, — так мы получили реализм. Но если к смыслу извлеченный из реально данного добавить — домыслить, по логике гипотезы — желаемое, возможное и этим еще дополнить образ, — получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко похвален тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющегося мира».

Горький не уставал говорить, что литература наша еще плохо изображает народ, советского человека. Это прямо указывается в вопросах формы (Горький по раз говорит даже о «приемах» изображения). Но постановка этих вопросов Горьким не имеет ничего общего с глубокими мыслями рассуждениями иных критиков о том, «как сделано» то или иное произведение, какими «сюжетными ходами», какими словесными «находками» позавидать и очаровывали он читателя.

Когда Горький говорит о недостатках изображения нового человека, о порочных приемах художника, это всегда и обязательно разговор о недостатках мировоззрения, о неумении видеть исторический смысл действительности, видеть главное, решающее, развивающееся и ведущее в будущее, в отличие от несущественного, отживающего, отходящего в прошлое.

«Человек-товарищ изображается», — пишет, например, Горький об очень распространенном «узле» — в нашей литературе до настоящего времени приеме изображения человека, — в таком ослепительном освещении, что его уже совсем не видишь; человек-враг принят изображать одноцветно — черным и почти всегда дураком. Не думаю, чтобы это было правдой». И выясняя, почему неправильно, Горький со всей отчетливостью утверждает, что порочность приема обусловлена, определена порочностью понимания действительности.

«Да два врага», — пишет он, — там — два героя. Писатель, который хочет быть художником, должен быть немногим историком и знать, что враг — очень хороший учитель в деле борьбы, хотя его уроки и дорого стоят».

Горький был величайшим из новаторов в искусстве, ибо он — основоположник нового этапа в развитии всего мирового искусства и первый философ этого нового искусства, создатель новой, социалистической эстетики.

Он, Горький, был яростным врагом всякой, связывающей движение искусства у-

М. ЧАРНЫЙ

Великий писатель-патриот

Революция очень охотно обнимала революционных лагерь в космополитизме, отрицанием родины и любви к ней. В этом обнимании заключена была пошлость буржуазного ограниченного мышления и часто сознательная ложь. Ленин говорил о Чернышевском, что именно тоскующая любовь к родине вывала его гневные слова о работе. Облигательный пафос лучших людей прошлого был выражен остро чувством их связи с родиной, ответственности и боли за нее, неуемной любовью к ней.

В разгар первой мировой войны, внесшей столько смуты в умы, Горький писал в статье «Письма к читателю»: «...читатель поставил передо мной много вопросов, которые удобно соединяются в один резкий вопрос: «Мощна ли Русь духовно, или немощна?» Прямой и точный ответ — все равно положительный или отрицательный — на вопрос, поставленный столь круто, я сказать бы непростительно легко. И Алексей Максимович вспоминает полные горячи и печали слова, срывавшиеся с уст Пушкина и Чаадаева. Все эти волгасы тоски, гнева, отчаяния, вырвавшиеся из сердца лучших русских людей, были, говорит Горький, «вызваны, несомненно, заботой о родине, любовью к ней...»

Сам Горький — писатель и общественный деятель, в котором кровное родство с народом и всеопределяющая действительная любовь к родной стране с наибольшей очевидностью определяли жесточайшую неадекватность к уродству старой жизни. Его публицистические выступления и статьи, направленные против глупых обзоров и сифилитиков из дома Романовых, разоривших и опозоривших Россию, против собственного свяства, поражали своей страстью, силой неадекватности и презрением. Ненависть становилась тем острее, чем больше верил Горький в прекрасные возможности освобожденной родины.

Один из основных упреков, брошенных Горьким прежней литературе, — нелюбовь к своему народу. Неоднократно и до революции, и после нее, он говорил о том, что людей сильной воли, людей большого дела старая литература странного образом искала преимущественно средними образцами писателя литературы странного характера. В статье «О том, как я учился писать» Горький говорит: «Гончаров в романе «Обломов» — одним из самых лучших романов нашей литературы, — противопоставил русскому обломовскому до слабоумия барину — немца, а не одного из «бывших» русских мужиков, орды которых он, Гончаров, жил и которые уже начинали командовать экономической жизнью страны. Если писатели-дворяне изображали революционеров, так это были или чужеземно-болгарки, или бунтовщики на словах — Рудин, Волосев, активный русский человек, как герой эпохи, оставался в стороне от литературы, где-то «за пределами поля зрения» литераторов...»

Горький поднялся на самых глубин народных жизни. Он обнес не только добрую часть великой страны, почерпнувшие из книги знания добавили к опыту исключительно содержательной и богатой впечатлениями жизни. Он имел все основания говорить, что знает родину и русский народ. Он видел жизнь, полную кишения, творчества и борьбы, сам участвовал в этой жизни и, вспоминая о годах своей юности и первых встречах с литературой, писал: «Было трудно понять, почему литераторы провозглашают интеллигентное бесселье, провозглашают, в то время как сотни интеллигентов пошли «в народ» и многие уже попили в тюрьму, в ссылку; почему в литературе не нашли «отражения» люди процесса 193-х, пропагандисты на фабриках... которым никак нельзя отказать в наличии характера и силы воли? Конечно, что литература обещает жизнь».

Горький видит в народе огромные, богатые силы, мощные порывы, замечательный характер. Все же его творчество проходит не только романтической мечтой о герое, но и реалистическое изображение русского героя, его огромных духовных сил, идеальности, воли, готовности к самопожертвованию. Никто с таким глубоким убеждением не заявлял в литературе о том, как ярки и значительны люди, сумевшие даже среди свинцовых мерзостей старой жизни сохранить благородные чувства и устремления. Во всем своем творчестве Горький выступает как подлинный патриот. В творчестве Горького нет ни одного произведения, которое не было бы пронизано патриотическим духом. Горький видит в народе огромные, богатые силы, мощные порывы, замечательный характер. Все же его творчество проходит не только романтической мечтой о герое, но и реалистическое изображение русского героя, его огромных духовных сил, идеальности, воли, готовности к самопожертвованию. Никто с таким глубоким убеждением не заявлял в литературе о том, как ярки и значительны люди, сумевшие даже среди свинцовых мерзостей старой жизни сохранить благородные чувства и устремления. Во всем своем творчестве Горький выступает как подлинный патриот.

А. М. Горький (1934 г.)

О том, как ярки и значительны люди, сумевшие даже среди свинцовых мерзостей старой жизни сохранить благородные чувства и устремления. Во всем своем творчестве Горький выступает как подлинный патриот. В творчестве Горького нет ни одного произведения, которое не было бы пронизано патриотическим духом. Горький видит в народе огромные, богатые силы, мощные порывы, замечательный характер. Все же его творчество проходит не только романтической мечтой о герое, но и реалистическое изображение русского героя, его огромных духовных сил, идеальности, воли, готовности к самопожертвованию. Никто с таким глубоким убеждением не заявлял в литературе о том, как ярки и значительны люди, сумевшие даже среди свинцовых мерзостей старой жизни сохранить благородные чувства и устремления. Во всем своем творчестве Горький выступает как подлинный патриот.

В народе живут огромные творческие силы, говорит своими произведениями Горький. В народе неисчерпаемы запасы активности. Но эта энергия не может найти применения в помещичьей-капиталистическом обществе. Иные мужики становились большими капиталистическими предпринимателями, но тем самым они порывали с народом. А те, в ком крепка была связь с народом, в конце концов, с отвращением ушли в эмиграцию. Поэтому-то и перешел Горький к повести «Хозяин», хотя Горький в успехах своего хозяина-земляка, вскоре начал с ним борьбу всеми возможными средствами. Поэтому-то будет Фомка Горьков.

Изумителен по своей художественной выразительности и глубине исторической мысли рассказ «Судьбы Орлова». Благодаря случайности обнаруживается, что Орлов, пропадая в подвале, живет героической душой, жаждая великих дел, полнота. «Орлов у меня душа... Хочется ей простора... чтобы мог я развернуться во всю мою силу... Эх! Силу я в себе чувствую — необоримую...»

У сапожника Орлова жажда подвига не имеет ничего общего с той безумной лихостью, бесшабашной удачей, ухарством на грани отчаяния, которые охотно изображала старая литература. Орлов мечтает, чтобы крест его могильный был украшен надписью: «Освободил Россию от холеры». Сапожник Орлов мечтает о подвиге во имя общества, народа. «Понимаешь...» — говорит он жене, — на сто лет вперед я бы хотел, чтобы ты была с пользой! Чтоб от этого общества вышло живое». Вот куда направлены неукротимые порывы Орлова.

Мечты о подвиге Фомы Горькова, сына волжского волдыря. Игнатьев, не плохой человек, но человек, который не любит свою работу делать, — говорил он, двиня бровями, — чтобы и тысячу лет спустя люди сказали: это вот богородские мужики сделали... да». Таков герой Орлова.

Но в жизни-творчестве старой России народный богатырь — слова по рукам и ногам. После сапожника Орлова развернуть свою силу неумолимо. Продавая в колхозном баране самоотверженную работу, развивая все окружающую, Орлов убеждает, что все равно этим не облегчить жизнь. «Чему радоваться, коли человек здоров? Жизнь у него хуже холерной судороги, ежели говорить по правде». «Большая вы лечите, — говорит Орлов врачу, — а здоровые помирают от тоскы жизни...» Этот Прометей из подвала связан всем строем жизни буржуазно-помещичьего общества. Орлов ухватил и с отчаяния сныпается окончательной. Прибавь и затравленный Фомка Горьков. Его связывает буквально и в более широком смысле Маяковский.

Но Горький рассказывал миру не только о народном благополучии, о стремлении народа к чистой жизни и пользе, и о действительности, с которыми эта мечта сталкивалась в условиях до-революционной России. В бессмертных образах он показывал пути осуществления мечты, показывал героев и идеи нового класса — пролетариата, который возглавлял народную борьбу за свободу, сосредоточивая в своих идеалах лучшие мечты трудящихся, озарил их светом науки и повел народы бывшей царской империи к социализму. Именно в социальном патриотизме Горький увидел подтверждение своей глубокой веры в замечательные возможности русского народа.

Интересно отметить, что глубокая народность Горького, его интимнейший связь с родиной отмечал еще Александр Блок, который писал в 1907 году: «Я утверждаю, что если и есть реальное понятие России, или лучше — Русь — помимо территории, государственной власти, государственной церкви, сословий и пр., то есть, если есть это великое и необоримое, простое, тоскливое и обетованное, что мы привыкли обнимать под именем Руси, — то выразителем его приходится считать в громадной степени Горького... несомненно, по роковой силе своего таланта, по крови, по благородству стремлений, по «бесконечности идеала» и по масштабу своей душевной музыки — Горький — русский писатель».

Это заявление Блока, сделанное в то время, когда все буржуазная печать подвергала Горького травле, говорит не только о самостоятельности, но и о замечательности Горького не только как писателя, но и как человека. Горький не может ослабить своеобразие символистского стиля, в котором она дана.

Горький со страстью и убеждением отстаивал прекрасные разговоры о русской обломовщине. Это его убеждение сложилось под непосредственным влиянием Ленина. В одной из статей Горького, написанной в 1913 г., есть такая фраза: «Я знаю хрупкость русского

характера, знаю жалостливую шаткость русской души и склонность ее, замученной, усталой и отчаявшейся, ко всякого рода заблуждениям». В этой статье («Еще о карамазовщине») Горький протестовал против реакционного замысла инсценировать «Бесы» Достоевского. Ленин откликнулся на статью специальным письмом к Горькому, но не мог пройти спокойно и мимо фразы о «шаткости русской души».

В письме от 14 ноября 1913 г. Ленин пишет: «И Вы, зная «хрупкость и жалостливую шаткость» (русской; почему русской? а итальянская лучше?) мечтательской души... (Вы изволили очень верно сказать про душу — только не «хрупкую» надо бы говорить, а мечтательную, ибо еврейская, итальянская, английская — все это черты, ведь парное мечтательство, мечтательство идеальное туположностью, сугубо тупое)».

Горьба с обломовщиной, с мечтательством была борьбой за новое, деятельное, гордое человека, о котором Горький писал с большой буквы, борьбой за революцию. Мирозрение писателя Максима Горького складывалось под непосредственным влиянием его великих друзей — Ленина и Сталина.

Победа революции, превращение бывшей царской империи в великую страну социалистического труда, придал патриотизму Горького новую силу убежденности и гордости своей родиной. Если Ленин еще до революции писал о национальной гордости великороссов, гордости Радичевых, декабристов, революционерами-равночуждыми, могучей революционной партии масс, которую великорусский рабочий класс создал в 1905 году, то сколько же оснований было у Горького для гордости родины, победоносно прокладывавшей новые пути человечеству! Горький многократно говорит о передовой роли Советского Союза.

Алексей Максимович очень понравилась книга Сергея Ценского «Преображение» и он писал ему: «Прочитай «Преображение», обрадовав, вволював, — очень хорошую книгу написали Вы, С. Н. охочи! Власто берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настоящее-русское. На меня оно всецело действует; сердце по слову раду, ликует; он как это хорошо и до чего наше, русское, мое!» (Из письма 1925 г.). Через два года в письме в тому же Сергею Ценскому Горький пишет: «...очень мы, русские, хороший народ; чем больше живу, тем крепче убеждаюсь в этом».

Эти признания несколько не исключают, конечно, критики недостатков, реалкой, большевистско-горьковской, а также насколько противоречит интернациональному чувству Горького. «Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», — приволил Ленин слова Маркса и Энгельса. Только интернационалист, уважающий и ценящий другие народы, может по-настоящему любить свою родину, свой народ чистой, искренней, человеческой любовью. Русский писатель, влиятельный в русском слове, Горький еще до революции положил начало тому содружеству разных национальных литератур, которое так блестяще развивается у нас теперь. Известна его работа о перекладах на русский язык украинских, грузинских, финских, татарских и других произведений. В 1912 году в письме к руководителю кружка переводчиков с грузинского языка Н. Канделяки Горький писал о большом значении этого кружка, о необходимости начать духовное «общение Руси»: «Говора о «собрании Руси», я, конечно, не подразумеваю под этим необходимость упорить гегемонию культуры того или иного племени, входящего в состав разнородной нации «империи»; я подразумеваю необходимость союза, основанного на взаимопомощи, духа писем, исторической работы, современной и сверхсовременной; союза, основанного на уважении к их законным требованиям свободы саморазвития. Силен только союз свободных».

Союз свободных осуществился, и для Горького этого вполне стала забота об охране коллективной творческой работы этого союза. В известной статье «Если враг не слезается, — его уничтожают» Горький напоминает о европейском капитале и помогающих ему внутри страны врагах. «И если, ослепительный обманом от страхи перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут посылать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по бычке капитала и обрел его в могилу, вполне своевременно вырвуть для него историю!».

Все творчество Горького, пример всей его великодушной жизни писателя и борца, является действенным и значительным оружием в патриотическом арсенале нашей родины.

Н. ЧЕТУНОВА КРИТИК-БОЛЬШЕВИК

Борьба. Упорная, страстная, ожесточенная борьба против всякого и всяческого формализма в литературе и литературной критике, против эстетских завываний о «чистом», о «свободном» искусстве, против пассивного отображения — за литературу, призванную «добить и покорить все враждебное людям», за литературу, утверждающую действительность освобожденного труда, — за критику, поверяющую искусству действительность, — вне этой борьбы нет Горького-критика.

И борьба эта не кончена. Ее надо продолжать. Стоит вздумать в причинах и существе неблагополучия в нашей критике, чтобы это стало ясным. Не случайно так резко отличался в самом начале критических суждений опубликованная 18/VI «Правдой» статья Горького «Молодая литература и ее задачи» от мысли и весьма значительной части публикуемых в настоящее время литературно-критических статей.

Это не случайно потому, что принципы критической работы Горького противостоят культивирующемуся в части нашей критики любованию всякими «литературными возвышениями» и прочими пропахшими нафталином аксессуарами «эстетической критики», выдаваемыми за самую новейшую изобретения критической мысли.

Горький-критик в новых исторических условиях был прямым и непосредственным продолжателем дела великих критиков-публицистов революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Истинную задачу критики, как и литературы в целом, он видел в **воздействии на действительность**:

«Надо ли говорить о том, — писал он в 1929 г. в статье «О мечтательстве», — что дело критики, публицистики, занятия... делом очеловечения людей, борьба против возрождения отравляющей мечтательской «идеологии», против герондизации «униженных и оскорбленных» мечтаний».

Анализ и оценка литературного явления всегда и обязательно определялись для Горького тем, как служит это произведение воспитанию социалистического человека, строителя коммунистического будущего. Других критериев литературных оценок для великого единомышленника Ленина и Сталина не существовало.

«Мне кажется, — пишет Горький, — что критика должна рассматривать явления текущей литературы, исходя из вопроса: насколько та или иная вещь спо-